

Басурманская неволя.

I.

Русь и Степь.

Русь и Степь всегда враждовали между собою. Трудолюбивая и скопидомная Русь работала, сѣяла, жала и собирала въ житницы. Удалая и жадная Степь завистливо смотрѣла на богатство своей сосѣдки, вихремъ налетала на мирныя селенія, жгла, грабила, убивала, уводила въ полонь.

Печенѣги и Половцы „несли розно“ Русскую землю. „Станетъ поселянинъ, говорилъ Владиміръ Мономахъ, весною пахать на лошади, и прїѣдетъ половчинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь и жену и дѣтей, да и гумно зажжетъ“. Такова была сущность отношеній между Русью и Степью и въ послѣдующіе вѣка. Татарская волна поднялась особенно высоко, обрушилась на Русь, раздавила ея силу и счастье, но потомъ схлынула въ ту же Степь. По-прежнему Степь осталась источникомъ всевозможныхъ страховъ и опасностей для мирныхъ жителей Руси. Они шли въ Степь не иначе, какъ „тужаще и скорбяще“, и жутко имъ становилось, когда они переступали границу владѣній свирѣпыхъ кочевниковъ. „Оттолѣ нача ны страхъ одержати, писалъ одинъ путешественникъ XIV вѣка о своемъ вступленіи въ Степь, яко внидохомъ въ землю языка Исмаильянаго, т. е. Татарскаго, ихже множество оба полъ Дона рѣки, аки песокъ“.

Много большихъ и малыхъ ордъ Татарскихъ основалось на югѣ нынѣшней Россіи, и не удивительно, что татары казались русскимъ многочисленными „аки песокъ“. Главныя силы татаръ со-

средоточивались на Крымскомъ полуостровѣ, гдѣ они имѣли города и вели полусѣдлую жизнь. Въ степяхъ за Перекопью кочевали четыре орды Нагайскихъ татаръ, имѣвшія въ 1625 году уже 50.000 всадниковъ; ихъ кочевья доходили до Кубани и граничили съ владѣніями черкесовъ, по старинному кумаковъ. Въ степяхъ Новороссіи и Бессарабіи кочевали орды Эдисанская вокругъ Очакова и Бѣлгородская или Буджацкая вокругъ Аккермана, по-русски Бѣлгорода. Кочевники опирались на могущество Турецкаго султана, считавшаго ихъ своими вассалами, и по морскому побережью были разбросаны турецкія крѣпости, между ними главное „поганское гнѣздо“—Азовъ. Татары всѣхъ наименованій смотрѣли на Русь исключительно, какъ на источникъ „разбойной добычи“. „Сколько твоей землѣ убытку будетъ, столько моей землѣ прибытку“, беззащѣнно говорилъ татаринъ русскому. „Ино чѣмъ мнѣ быти сыту и одѣту?“ спрашивалъ вполне логично наивный степной разбойникъ, когда его упрекали за набѣги на сосѣдей.

Крымскіе ханы доходили до самой Москвы и подъ видомъ „любительныхъ поминковъ“ брали дань съ „самодержцевъ Всея Руси“. Всѣ враги Россіи натравливали и накупали татаръ на русскія области, и во время борьбы съ Польшей за Малую Россію бои подъ Конотопомъ и Чудновымъ были страшными, хотя и послѣдними, побѣдили Степи надъ Русью. Сильный во всѣхъ искусствахъ Китай отгородился отъ своихъ степей каменною стѣною.

Московской Руси было не по плечу такое сооруженіе. Для защиты отъ кочевниковъ она пользовалась тѣмъ, что было всегда подъ руками, лѣсомъ да землею. По всей границѣ со Степью шелъ рядъ городовъ и острожковъ, обыкновенно построенныхъ изъ дубоваго лѣса; отъ городка до городка насыпался земляной валъ со рвомъ и надолобами (частоколомъ). Въ лѣсахъ валили деревья и устраивали изъ нихъ засѣки, мѣшавшія проѣзжать татарамъ. Такая линія укрѣпленій называлась „чертою“. Особенно охранялись „броды и перелазы“ черезъ рѣки; въ водѣ „били частичкы (мелкіе колья) и свая и рогатки“, чтобъ лошади не могли ступать по дну. Особая легкая пограничная стража—станичники зорко слѣдили за безпокойною степью и ѣздили далеко за „черту“ въ „отѣвжія станицы“ или пинолы. Такія крѣпости не были неприступны, но ихъ легко было продвигать далѣе въ Степь по мѣрѣ того, какъ Русь шагъ за шагомъ завоевывала страшныя степныя пустыни. Въ концѣ XVII столѣтія русская оборонительная база была перенесена съ береговъ Оки, гдѣ она находилась въ началѣ столѣтія, въ бассейнъ Дона, въ города Слободной Украины. Несмотря на всѣ мѣры предосторожности, татары то и дѣло прорывались черезъ крѣпости. Никакое

время года не охраняло отъ ихъ набѣговъ. Любили они нападать во время „живтва“, когда поглощенные страдой люди думали лишь о томъ, какъ бы убраться съ хлѣбомъ; еще чаще и съ бѣльшими силами приходили они зимою на своихъ выносливыхъ, некованныхъ лошадяхъ, бойко бѣгавшихъ по „засеренѣлому“ (покрывшемуся настомъ) снѣгу степей. Только самый конецъ зимы съ его бурянами и гололедицей и начало весны съ его половодьемъ давали мѣсяца на три вздохнуть жителямъ русскихъ окраинъ¹⁾. Татары старались прійти „безвѣстно“, обмануть бдительность, и при случаѣ и „скрасть“ съ вала сонныхъ караульныхъ; они проламывали валъ, прорубали топорами надолобъ, вступали въ бой съ поздно спохватившейся „заставной, т. е. караульной сотней“; переранивъ и перебивъ „сотенныхъ людей“, они нападали на жителей, уводили ихъ въ полонъ и отгоняли „конскія и животинныя“ стада.

Впрочемъ, воеводы украинскихъ городовъ подлежали строгому наказанію за такія „небереженье и оплошку“ и старались получать самыя точныя—„прямая вѣсти“ о движеніяхъ кочевниковъ. По этимъ вѣстямъ воевода принималъ мѣры къ оборонѣ города, жилъ „съ великимъ береженьемъ“, бирючи „прокликивали“ по уѣзду про воинскія вѣсти и приказывали по деревнямъ жить „легкимъ дѣломъ“, т. е. наготовѣ къ бѣгству въ городъ. Когда же татары подходили близко, воевода билъ въ „сполохъ“, т. е. въ набать, и „сбивалъ“ жителей изъ уѣзда въ городъ въ осаду. Всякая мирная дѣятельность замирала, и по направленію къ городу по всѣмъ дорогамъ „бѣжала бѣжь“, т. е. спасавшіеся бѣгствомъ уѣздные люди. Но не всѣмъ имъ удавалось скрыться за городскими стѣнами; иныхъ татары перехватывали, „не допустя до города“, и одинъ поселянинъ рассказывалъ, какъ отецъ его ѣхалъ въ осаду въ городъ, а его „везъ за бедра“, т. е. у сѣдла сзади, какъ наѣхали на нихъ татары, какъ отецъ его съ ними „бился изъ луку, а они отца срубали“, маленькаго же сына увезли въ Крымъ, гдѣ онъ пробылъ 40 лѣтъ²⁾.

Теперь трудно себѣ представить то нервное напряженіе, въ которомъ находились жители украинскихъ уѣздовъ, постоянно ожидавшіе тяжкаго плѣна или полнаго разоренья. Трудно представить себѣ, какъ можно было работать, когда опасность татарскаго набѣга требовала, чтобъ „на полѣ, на сѣнокосѣ и въ лѣсу безъ ору-

¹⁾ Эварницкій, Исторія Запорож. казаковъ, I, 394, 400.

²⁾ Хранящіеся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи столбцы Бѣлгородскаго стола. Разряды обозначаются—Б., столбцы же Приказнаго стола—Пр. См. Пр. 412, 79.

жія нигдѣ никакой челоуѣкъ не былъ“, чтобы во время сѣнокоса одна половина работниковъ убирала сѣно, а другая караулила. Ни за какимъ мирнымъ занятіемъ челоуѣкъ не могъ быть покоенъ. На Торскихъ (въ Славянскѣ) соляныхъ промыслахъ солевары работали въ чертѣ построенныхъ ими укрѣпленій и выѣзжали за дровами или сѣномъ не иначе, какъ цѣлымъ вооруженнымъ караваномъ, „дровянымъ“ или „сѣннымъ таборомъ“.

„Мелкая постоянная кража людей на границахъ“, по мнѣнію одного изслѣдователя ¹⁾, стоила русскимъ не дешевле большихъ татарскихъ набѣговъ. Служилые люди пограничныхъ отрядовъ каждую минуту рисковали попасться въ руки татаръ. Въ разъѣздахъ по степи не трудно было „погрѣхомъ найти на большихъ людей“, т. е. на сильнѣйшаго непріятеля: лѣтомъ 1645 года казачій атаманъ гр. Чернышевъ поѣхалъ изъ Демшинска съ казаками за укрѣпленія, и „будутъ они отъ Демшинскаго лѣсу въ полверстѣ, рассказывали потомъ казаки, и изъ Демшинскаго лѣсу вылѣзли на нихъ татаровя, челоуѣкъ 30 и больше, и учили за ними гонять и на гоньбѣ ихъ поймали“²⁾. Достаточно было немного отдалиться отъ „сотни“ (отряда), выйти „за обозъ по воду или по траву“, чтобы сдѣлаться добычей зоркихъ хищниковъ.

Совершенно беззащитны были жители украинскихъ городовъ въ томъ случаѣ, если богатства степной природы выманивали ихъ за крѣпости. Ихъ татары то и дѣло ловили то на „рыбномъ“ или „звѣриномъ промыслу“, то на гонкѣ дегтя и т. п.; счастливъ былъ тотъ изъ этихъ промышленниковъ, которому какимъ-то чудомъ удавалось „отсидѣться“ отъ татаръ гдѣ-нибудь въ тростникахъ степного озера.

Нервное напряженіе украинскихъ жителей было такъ велико, что достаточно было ничтожнаго повода, чтобы въ городѣ поднялась суматоха. Прибѣжить, бывало, въ городъ какой-нибудь потерявшій голову обыватель съ вѣстями про приходъ татаръ или пришлетъ отписку о томъ же какой-нибудь напуганный сосѣдній воевода, и изнервничавшійся не менѣе жителей воевода начинаетъ бить „сполохъ“ и „сбивать“ уѣздныхъ людей въ осаду, и потомъ окажется, что „тѣ вѣсти прогались, и приходу воинскихъ людей никакого не бывало“. Такіе „ложные татарскіе сполохи“ не одинъ разъ случались въ украинскихъ городахъ и иногда нарочно устраи-

¹⁾ Н. М. Бережковъ. Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму. (Труды VI Археолог. Съѣзда, т. II), стр. 348.

²⁾ Пр. 158, 4—5.

вались „воровскими людьми“, надѣявшимися поживиться чужимъ добромъ во время поднявшейся сумятицы ¹⁾).

Современные документы рисуютъ полную картину татарскаго разоренія. Жутко читать эти нескладные и наивные при всей ихъ старинной дѣловитости документы; такъ безысходно горе, съ которымъ въ нихъ встрѣчаешься, такъ глубоко драматично положеніе тѣхъ безхитростныхъ украинцевъ, о которыхъ они говорятъ.

Печальную картину представляло украинное поселеніе послѣ посѣщенія его татарами. „Церковь разорили, говорятъ обыкновенно документы, и осквернили, церковное строеніе, ризы и стихари и целены и сосуды церковные всѣ пограбили, оклады съ образовъ поободрали, свѣчи поставныя поймали“; иногда со странной на нашу мѣрку наивностью прибавляется: „а колокола и книги Богъ сохранилъ въ цѣль“.

Зачастую въ полонъ попадалъ и „попъ“ съ „попадъей, съ дѣтишками и съ домочадцы“. Рѣдкій изъ жителей могъ показать, что „милостью Божіею дворъ его цѣль и гумно въ цѣль“, большинству приходилось слезно жаловаться на то, что татары „гумнишко и дворишко сожгли безъ остатку“, „хлѣбъ потолочили“, „животину отогнали“, „пчелы выдрали“, тотъ уже долженъ былъ считаться не вполнѣ обиженнымъ судьбой, у кого были „въ остаткѣ на дворѣ клѣтъ да погребница да ворота переднія“. Татары иногда забирали цѣлыя семьи: у ливенца, напримѣръ, Романа Чернаго въ 1660 году татары забрали „съ маткою и бабуку и братьей и сестеръ и людшекъ 23 человекъ“. Семьянинъ, у котораго сегодня была жена и полный домъ взрослыхъ и подростающихъ дѣтей, завтра въ одно мгновеніе становился безроднымъ бобылемъ. „Взяли въ полонъ, показывалъ въ 1660 году чернавецъ—сынъ боярскій, Прохоръ Свиридовъ, мать мою Авдотью, жену Афимью, невѣстку Степаниду, сына Захарья трехъ лѣтъ, племянника Савелья 17 лѣтъ, дочь Федору, дочь Марю, внука Пелага (?), а въ остаткѣ со мною сынъ Иванъ 20 лѣтъ, дочь Марья 17 лѣтъ“. Другой его односельчанинъ Евлахъ Алехинъ былъ еще несчастливѣе... „Взяли въ полонъ, показывалъ онъ, мать мою Акулину, жену Алену, сына Данилу, 8 лѣтъ, дочерей Настасью, Пелагею, Устинью, а въ остаткѣ со мною нѣтъ никого“. У другого подобнаго же несчастливца ефремовца Фетиса Семенихина татары въ 1659 году „взяли въ полонъ дѣтей его шесть [душъ“. „Разоренъ и обѣднялъ до конца, остался одинъ душею да тѣломъ, брожу межъ дворъ, кормлюся Христовымъ

¹⁾ Пр. 855, 385—489; Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. V, 188.

именемъ, въ конецъ погибъ“, такъ горько жаловались эти несчастливцы, избѣгнувшіе татарской неволи, но лишившіеся семей и имущества ¹⁾).

II.

Полонное терпѣнье.

Для взятаго въ плѣнъ татарами русскаго человѣка не было конца лишениямъ и мукамъ, „полонному нужному терпѣнью“, какъ говорили въ старину. Татары гнали „ясырь“, т. е. плѣнныхъ, какъ скотину черезъ степи въ Крымъ, били нагайками, кормили впроголодь да и то какой-нибудь дохлятиной; слабыхъ и малолѣтнихъ иногда „зносили студеною смертью“. Для предупрежденія побѣговъ татары иногда заставляли полонянниковъ крестъ цѣловать въ томъ, что „имъ не бѣжати“; иногда, какъ говорятъ, прибѣгали къ волхвованіямъ ²⁾. Но не надѣясь вполнѣ на сверхъ-естественныя средства, они рѣзали полонянникамъ уши и ноздри и клеймили ихъ. Въ „Запискахъ“ Болотова разсказывается, что одному изъ предковъ автора татары „для отвращенія побѣга по варварскому своему обыкновению взрѣзали пяты и, насыпавъ рубленыхъ лошадиныхъ волосъ, заростили оныя въ нихъ, дабы неспособенъ былъ къ долговременной ходьбѣ“. Точно также козловецъ Леонтій Галкинъ въ 1669 году жаловался на то, что взявшіе его въ плѣнъ татары „порѣзали ему у ногъ пяты“, и при осмотрѣ его въ Москвѣ оказалось, что у него „у правыя ноги пята рѣзана, и нынѣ знать“ (т. е. замѣтно) ³⁾. Татары иногда уводили съ собою тяжело раненыхъ полонянниковъ и даже раненыхъ въ ноги, неспособныхъ къ ходьбѣ. Въ 1637 году, напримѣръ, они уволокли воронежскаго казака Исаева, „раненнаго многими стрѣлинными раны и сабельными замертво“; другого плѣнника они взяли съ собою, хотя онъ былъ раненъ „въ четырехъ мѣстѣхъ по головѣ чеканомъ да по лѣвой ногѣ въ стегло да въ берцо да въ лѣвую руку застрѣленъ изъ лука ⁴⁾).

Татары иногда подвергали полонянниковъ пыткамъ, обыкновенно съ цѣлью добиться свѣдѣній о сборѣ на Украинѣ войскъ и мѣрахъ къ оборонѣ отъ ихъ набѣговъ. Воронежскаго крещенаго татарина Никиту Татарина, напримѣръ, въ 1644 году они „били и мучили,

¹⁾ Б. 419, 699 сл.; Б. 1200, 304; Пр. 187, 52; Пр. 981, 93 123.

²⁾ Пр. 972, 282; Эварницкій, I, 415.

³⁾ Пр. 392, 35.

⁴⁾ Б. 264, 34; Пр. 399, 324.

а спрашивали, гдѣ на рѣкѣ на Воронежѣ броды и перелазы“. У захваченнаго въ 1660 году козловца Коломина татары добивались еще болѣе важныхъ вѣстей, били и мучили и устраивали нарѣдко съ большимъ пристрастіемъ, а спрашивали, „гдѣ нынѣ Великій Государь... и гдѣ бояре... и сколько на Тулѣ рати и сколько въ Козловѣ служилыхъ людей“. Встрѣчаются случаи и безцѣльнаго „надругательства“ надъ полоняниками. Впрочемъ, въ этомъ болѣе татары были виновны „измѣнники-черкасы“, приверженцы Дорошенка, Брюховецкаго и другихъ вѣроломно боровшихся съ Москвой малороссійскихъ авантюристовъ. На нихъ постоянно слышались жалобы, что они плѣнныхъ русскихъ „били и мучили разнымъ изругансомъ“, „ноги ломали, огнемъ жгли ¹⁾“.

Разсказывали, что плѣнники иногда служили мишенями при обученіи стрѣльбѣ молодыхъ татаръ, и жена ливенца Стренкова въ 1670 году заявила, что „наругаясь, татаровя по ней стрѣляли и пострѣлили изъ лука въ груди да по правой рукѣ выше локтя“. Рыляникъ Рагулинъ жаловался на то, что „татаровя, наругаячися надъ нимъ, обрубали ноги и оставили на таборищахъ подъ Нѣжиномъ замертво“, а ярославецъ Малышкинъ отъ татаръ, которымъ помогали искусные въ этомъ дѣлѣ „черкасы“ (малороссіяне), былъ „мучень и изувѣченъ и отъ того полоннаго терпѣнья и поруганья сталъ дряхль и увѣченъ и очми мало видѣль ²⁾“.

Но вообще „ясырь“ для татаръ былъ слишкомъ дорогой товаръ, чтобъ увѣчить его ради потѣхи. „Ясарь“ былъ даръ Божій, который „Господь Богъ милостью своею подаровалъ въ добычѣ“, былъ приобрѣтенъ буквально „за кровь и за смерть“. „Кто что возьметъ въ войнѣ, тѣмъ и живетъ“, говорили благоразумные хищники. Подъ Конотопомъ въ 1659 году по уговору съ Выговскимъ было перерѣзано до 5.000 плѣнныхъ; но такія непронзводительныя траты цѣннаго „ясыря“ были не во вкусахъ крымцевъ, и въ слѣдующемъ году, когда татары „Государевыхъ ратныхъ людей межъ Чуднова и Пятокъ разобрали“, они старались только о томъ, чтобы наловить побольше живого „ясыря“ для продажи.

Знатныхъ плѣнниковъ они берегли, какъ драгоцѣнное государственное достояніе, и, когда султанъ требовалъ выдачи В. Б. Шереметева, крымцы не побоялись солгать, что Шереметевъ умеръ.

Убийство подъ Конотопомъ такого важнаго плѣнника, какъ кн. Семень Романовичъ Пожарскій, объясняется тѣмъ, что кн. Пожарскій „по Московскому обычаю“ изругалъ хана и впрямь, какъ настоя-

¹⁾ Б. 188, 371; Акты Моск. Госуд., III, 107; Пр. 401, 28; Пр. 412, 535.

²⁾ Пр. 412, 398; Пр. 392, 166; Пр. 187, 124.

щую „деревенскую шишимору“, по выраженію пѣсни о Конотопскомъ боѣ.

Лучшій товаръ, красивыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ, татары напротивъ холили, подкармливали и выводили на рынокъ для продажи, вырядивъ въ шелкъ и даже подрумянивъ.

Крымъ былъ для значительной части плѣнниковъ лишь временнымъ этапомъ. „Здѣсь на невольничьихъ биржахъ въ Карасовѣ (Карасубазарѣ), Козловѣ (Евнаторіи), Бахчисараѣ и особенно Кафѣ (Феодосіи) полоняники распродавались и отсюда развозились во всѣ страны свѣта. Въ средніе вѣка много русскихъ рабовъ вывозилось въ Западную Европу. Венеція и Генуя не стыдились наживать барыши на торговлѣ христіанами, и поэтической мостъ Ріальто, у котораго была главная невольничья биржа, облить слезами несчастныхъ рабовъ „русской и черкасской ¹⁾ породы“ (de natione Russogum, de genere Circassiogum). На какомъ-нибудь далекомъ островѣ Майоркѣ не рѣдкость было встрѣтить русскую бѣлобрысую (alba) Аксютку (Axia) въ компаніи другихъ многочисленныхъ Ульянъ и Настасій. Торговля рабами-христіанами въ Европѣ постепенно прекратилась. Общая для всего христіанства опасность отъ могущества Турецкой имперіи сблизила восточныхъ и западныхъ христіанъ. Въ XVII вѣкѣ русскихъ рабовъ почти не было въ христіанской Европѣ ²⁾. Но мусульманскія земли и въ концѣ XVII вѣка были переполнены русскими рабами. Многіе полоняники попадали въ Египетъ, всегда бывшій однимъ изъ главныхъ мѣстъ для сбыта невольниковъ, и къ „арапамъ“, подъ которыми разумѣлись и египтяне и жители Туниса, Алжира и Марокко. Турки были одними изъ главныхъ покупателей живого товара. Русскіе полоняники томились и въ Кизыльбашской землѣ, т. е. Персіи, и въ Хивѣ и въ Бухарѣ; встрѣчались они и въ далекой Индіи. Нѣкоторые полоняники переходили отъ одного хозяина къ другому, изъ одной земли въ другую: напримѣръ, взятый въ 1660 году въ плѣнъ крымцами священникъ Московской церкви Ипатія Чудотворца Илья Григорьевъ былъ, „изъ Крыму проданъ въ турки, а изъ турокъ проданъ въ Грузію, а изъ Грузіи въ кумыки (черкесы), а изъ кумыкъ приведенъ въ Кизыльбашскую землю ³⁾“.

¹⁾ Малороссійской.

²⁾ Впрочемъ, въ 1623 году алексинецъ Архипъ Дементьевъ былъ проданъ изъ Царя-града „въ нѣмцы въ Галанскую землю“ (Рус. Ист. Библиотека. II, 610).

³⁾ Лучицкій. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи (Кіев. Унив. Изв. 1885—1886), 373, 377; Ковалевскій М. О русскихъ и другихъ православныхъ ра-

Нѣкоторымъ полоняникамъ удавалось скоро получить свободу иногда черезъ годъ или два; но нерѣдко случалось, что полоняникъ томился въ плѣну двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ, а венивитинъ Тить Ѳедоровъ, освободившійся въ 1669 году, „былъ въ полону въ Турской землѣ“ цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ.

У татаръ и турокъ полоняники исполняли всякія общественныя работы, „работали черную работу“, „всякую нужную работу“; въ Крыму, напрямѣръ, они „всякія воловыя перекопи работали“, т. е. укрѣпляли перешеекъ для защиты ханства отъ ихъ соотечественниковъ. Въ Константинополѣ вся домашняя прислуга состояла изъ рабовъ и рабынь. Полоняники занимались ремеслами и сельскими работами: одинъ „былъ у татарина въ деревнѣ“, другой „въ деревнѣ пасъ овцы“, третій былъ взятъ „къ виноградному строенью“, четвертый „жилъ въ Кафѣ у кожевника“. Въ Анатолиі земля воздѣлывалась почти исключительно „подданными Польши и Московіи“. Нѣкоторые устраивались у басурманъ довольно выгодно: одинъ служилъ у мурзы „въ хлопцахъ“, другой „былъ у Крымскаго хана Мегмета Кирея во дворѣ семь лѣтъ“, а костромитинъ Василій Полозовъ „у Турскаго салтана передъ самимъ ходилъ въ шатрѣ 12 лѣтъ“. Изнѣжившіеся османы не прочь были свалить и священную обязанность служить подъ знаменемъ пророка на „прахоподобныхъ“ гяуровъ, и ельчанина Дорохина „хозяйинъ турчинъ отдалъ вмѣсто себя въ солдаты“ ¹⁾.

Но громадному большинству полоняниковъ приходилось терпѣть „всякую полонную нужу и муку и наготу и голодь и холодъ и побой“. „Кайдалъ на мнѣ больше полуцуда четыре года безпрестанно, жаловался В. Б. Шереметевъ, въ избѣ оставлено только одно окно, и свѣтъ вижу, и вѣтръ проходитъ только въ то окно. На дворѣ изъ избы пяди не бывалъ я шесть лѣтъ и нужу всякую исполняю въ избѣ и отъ духу и отъ нужи и отъ тѣсноты большія оцынжалъ, и зубы отъ цынги повыпадали, и отъ кайдаловъ обезножилъ... мало вижу однимъ глазомъ отъ тѣсноты и отъ слезъ“. Если „Шереметь-князь“, какъ его звали татары, терпѣлъ такую тѣсноту, то еще хуже приходилось рядовымъ „нужетерпцамъ“—полоняникамъ. На тяжелой работѣ полоняники были всегда впроголодь и завидовали бывшимъ въ плѣну въ Россіи татарамъ, которые „сыты сидѣли въ тюрьмѣ, никакой работы не работали“.

бахъ въ Испаніи (Юрид. В. 1886 г., № 2), 238, 240—251; Бережковъ, 356; Пр. 857, 4.

¹⁾ Пр. 412, 93—95; Пр. 972, 64; Бережковъ, 157. Палест. Сборникъ X, вып. III, X.; Симбир. Сб., Дѣла Малорос., 189.

Послѣ дневныхъ тяжелыхъ трудовъ на ночь ихъ ждала „злѣйша-земляна тюрма“. Тюрмы Константинополя были тѣсны, смрадны и наполнены насѣкомыми. Невольники сковывались попарно, нога объ ногу, общей тяжелой цѣпью.

Но особенно тяжелой, „горькой до смерти“ была участь полонянниковъ, работавшихъ въ качествѣ гребцовъ на турецкихъ каторгахъ. Эти военныя суда сохранили устройство древне-греческихъ триэръ. На каждой каторгѣ помѣщалось до 300 гребцовъ-невольниковъ, по 25—30 человекъ на скамьѣ; каждые 5 или 6 человекъ приводили въ движеніе одно весло, опиравшееся на подставку, такъ называемую „лопату“. На каторгахъ были гребцы изъ „всякаго племени, какое есть подъ небомъ“; были тутъ и дворяне и духовные; Ливенскій попъ Григорій на каторгѣ „животъ свой мучилъ 6 лѣтъ“; Австрійскій дипломатъ Вратиславъ былъ скованъ съ католическимъ капелланомъ.

„Повѣрить нельзя, рассказываетъ этотъ Вратиславъ, какая это великая тягота тянуть веслами на галерахъ; не можетъ быть на свѣтѣ работы тяжелѣе этой. Приковываютъ cadaго за одну ногу на цѣпь подъ лавку, настолько отпуская цѣпь, чтобы онъ могъ взойти на лавку и тянуть весломъ; во время тяги ради превеликаго жару иначе нельзя быть, какъ совсѣмъ нагому въ одной холщевой исподницѣ... По выходѣ изъ Дарданеллъ на гребцовъ надѣваютъ наручники желѣзные, наплечники или круги, чтобы они не могли напасть на турокъ. Солнце, мало сказать, печетъ, а просто жаритъ; кожа на тѣлѣ совсѣмъ стараетъ, жаръ бьетъ въ голову, потъ заливаетъ очи, руки всѣ покрываются пузырями отъ весель, и все тѣло должно изгибаться передъ весломъ“. Надсмотрщики подхлестывали лѣнливыхъ ремнями или мокрыми канатами. Въ сырыхъ палубахъ гнѣздились отвратительные паразиты. Каторжники ѣли по два ломтика сухарей въ день и спали на тѣхъ же мокрыхъ лавкахъ. Во время стоянокъ ихъ высылали на работы скованныхъ, „въ день они дѣлали, а на ночь ихъ метали въ тюрму“¹⁾.

И эта каторжная „нужная“ работа часто продолжалась не годъ, не два, а цѣлыя десятки лѣтъ. „Былъ на каторгѣ 30 лѣтъ“, „былъ на каторгѣ у турченина 40 лѣтъ“, зачастую читаешь въ чело-битныхъ вышедшихъ изъ неволи полонянниковъ.

¹⁾ Барсуковъ, VI, 40—41, 495; Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополь, рус. переводъ Побѣдоносцева, 141—154.

III.

Скверна басурманская.

Полоняникъ у басурманъ не только „животь свой мучилъ“, но и „тѣло и душу сквернилъ“. Басурманская скверна со всѣхъ сторонъ окружала его, угрожая лишить его и вѣчнаго блаженства. Татары любили бѣлолицыхъ русскихъ женщинъ и не щадили ихъ цѣломудрія. Разнузданныхъ дикарей сдерживало только желаніе выгодно продать нетронутый товаръ въ турецкіе гаремы. Султаны, въ числѣ ихъ и Сулейманъ Великолѣпный, имѣли русскихъ женъ.

Татары не имѣли ничего противъ того, чтобы русскіе полоняники въ полону плодились и множились, увеличивая число рабовъ своимъ приплодомъ. Хозяинъ татаринъ иногда „женилъ по неволѣ по своей вѣрѣ“ полоняника на татаркѣ или чаще давалъ ему сожительницу русской, черкасской или польской породы; случалось, что хозяинъ отдавалъ полонянину надоѣвшую ему христіанскую наложницу съ прижитымъ отъ нея ребенкомъ; нѣкоторые русскіе полоняники „женились“ сами, т. е., конечно, сходились безъ вѣнчанія. Орляникъ Степ. Шатовъ, обасурманенный въ Крыму, „жилъ съ татаркою года съ три украдомъ, а не за жены мѣсто держалъ“. Прижитыя въ этихъ случаяхъ дѣти, такъ называемые тумы, оставались некрещеными ¹⁾.

Скверна подстерегала полоняника въ пищѣ и питьѣ. Непростительнымъ грѣхомъ считалось уже то, что ему приходилось „ѣсть и пить съ невѣрными“. Въ земляной тюрьмѣ или на каторгѣ нельзя было разбирать дозволенные и недозволенные закономъ яства. Хозяева кормили полоняниковъ „мясомъ дохлыхъ животныхъ... отвратительнымъ даже для собакъ“, и переднее плечо жирнаго кота было деликатесомъ, передъ соблазномъ котораго не могъ устоять даже капелланъ, томившійся въ тюрьмѣ съ Вратиславомъ. Почти всѣ полоняники признавались, что они ѣли мясо въ постъ, „всякую скверность“, „кобылятину“, а романовскій солдатъ Кобызевъ каялся въ томъ, что онъ „душу свою осквернилъ неволею, человѣчину ѣлъ и собачину и всякую скверную ядь“ ²⁾.

О многихъ полоняникахъ извѣстно, что ихъ „бусурманили“ „сильно“, „неволею“, „мучили и на силу обасурманили“, но не указывается, въ чемъ состояло это насиліе. Взятыхъ въ плѣнъ священниковъ обривали и „снимали съ нихъ скуфьи“. Но встрѣ-

¹⁾ Пр. 412, 397; Пр. 377, 165; Пр. 791, 65; Рус. Ист. Библ., II, 600, 619.

²⁾ Барсуковъ, VI, 205; Вратиславъ, 147; Пр. 187, 355.

чающіяся въ документахъ свѣдѣнія объ истязаніяхъ полонянниковъ для обращенія ихъ въ магометанство не всегда заслуживаютъ довѣрія.

Явившійся въ 1645 году въ Москву нижегородецъ торговый челвѣкъ Ларіонъ Молчановъ нарисовалъ картину своихъ страданій за вѣру, какъ бы взявъ ее цѣликомъ изъ житій мучениковъ. „Везиревъ дворецкій, по словамъ Молчанова, за вѣру мучилъ его всякими многими разными нестерпимыми муками, приводя въ свою бусурманскую поганую вѣру... на ноги желѣза клали и за ноги вверхъ вѣшали и ладони и мышки у рукъ и щеку, продернувъ ремнемъ, привязывали, не допусая головы до земли... били и мучили нагого терновымъ прутьемъ и жилами говяжьими (обычное орудіе страданій мучениковъ)... свѣчами спину поджигали и мучили не одинъ годъ въ четыре пойма, какъ тѣ раны у него подживутъ“. Но Молчановъ вообще не заслуживалъ довѣрія: въ полону онъ для чего-то назывался попомъ, и документъ у него былъ не въ порядкѣ, едва ли не поддѣланъ ¹⁾.

Напротивъ, костромитинъ В. Полозовъ цѣлыхъ 12 лѣтъ „ходилъ въ шатрѣ передъ самимъ султаномъ“, и только черезъ 12 лѣтъ султанъ, „увидя, что Полозовъ еще вѣруетъ въ свою крестьянскую вѣру, а не ихъ бусурманскую“, вдругъ будто бы „разгнѣвался на него и велѣлъ его казнить смертью“, отъ которой его „упросилъ большой мурза Ахметъ“. Но этотъ случай скорѣе подтверждаетъ признаваемую нѣкоторыми учеными „религіозную легкомысленность османовъ“, а не ихъ нетерпимость. Крымскіе же татары, смотрѣвшіе на полонянниковъ, какъ на доходную статью, тѣмъ болѣе не имѣли особой ревности къ обращенію ихъ въ магометанство. Боязнь „полонной нужи“, особенно нестерпимой каторжной работы безъ всякихъ насилій, заставляла слабыхъ людей „отлучаться отъ христіанской вѣры“. Новообращенные получали улучшение участи, иногда почетъ и богатство, „турчились и басурманились ради роскоши турецкой, ради несытаго лакомства“.

„Я, вѣдь, буду тебя жаловать златомъ и серебромъ“,

„Да и женки прелестными и души красными дѣвицы“,

говорить въ народной пѣснѣ ханъ къ Семену Романовичу Пожарскому. Отступникъ отъ вѣры, „недовирокъ христіанскій“, въ южно-русской поэзіи обычно выводится въ качествѣ жестокаго надсмотрщика надъ своими бывшими собратьями—бѣдными невольниками. Переходъ въ магометанство сразу измѣнялъ положеніе невольника. „Топчи подъ ноги вѣру христіанскую, изломай крестъ

¹⁾ Дѣйствія Нижегород. Архивн. Комиссіи, вып. II, 532—536.

на себѣ, и будешь словно братъ родной у нашего молодого господина, говоритъ отступникъ Бутурлокъ „отцу казацкому“ — гетману Запорожскому Самойлѣ Кушкѣ.

„Оттого имъ стало сытно“, простодушно объясняли крымцы переходъ въ магометанство русскихъ полоняниковъ. „Какъ меня обасурманили, показывалъ въ 1669 году мецлянинъ Черемисиновъ, вышедшій изъ Турціи, и учили мнѣ вѣрить и посылать меня съ совѣтными грамотами по городомъ“. Какой-нибудь рязанскій крестьянинъ, считавшійся годнымъ развѣ для каторжной работы, обасурманившись, „на волѣ служилъ Турскому салтану въ спагѣхъ“¹⁾. Вообще изъ сбивчивыхъ показаній полоняниковъ трудно понять, въ какой степени они терпѣли преслѣдованіе за вѣру въ басурманской неволѣ. Многіе полоняники утверждали, что они „не басурманены“, но прибавляли какъ бы противоположное этому, говоря, что „не басурманенъ, а вѣру татарскую держали по неволѣ“, и не басурманецъ, а отъ христіанскія вѣры отступалъ“; „по татарски маливались“, а одинъ показалъ даже, что онъ „не басурманенъ, а крестъ бросалъ“. Жена болховитина Юшкова наивно рассказывала и о ритулѣ ея принятія въ магометанство, „турчинъ де велѣлъ ей палецъ поднимать, и она по неволѣ палецъ поднимала“, вѣроятно, при произнесеніи туркомъ вѣроисповѣдной формулы: нѣтъ Бога, кромѣ Бога и т. д. Кромѣ „агарянскіа прелести“ полоняникамъ угрожали разныя „еретическіа“ вѣры. Обычно они исповѣдывали религію своихъ хозяевъ. Орляникъ Лавровъ попалъ, на примѣръ, къ „арменскому шиху“, т. е. попу, и ему пришлось „исповѣдываться у арменскаго попа и причастіе принимать“. Крестьянскій сынъ Корифъ Ивановъ, „живучи у жидовина, вѣру держалъ жидовскую и во храмы жидовскіе ходилъ“; перейдя къ турку, онъ „вѣру держалъ татарскую и по-татарски маливался“; поступивъ же въ концѣ концовъ къ гречанину онъ „вѣру держалъ съ гречениномъ вмѣстѣ русскую“. Простецы-полоняники и разобратъся не могли въ тѣхъ вѣрахъ, съ которыми встрѣчались: ливенецъ Своетиновъ могъ только сказать, что его „пригощаль пощъ, а ксенжли или русской пощъ, про то онъ не вѣдалъ“²⁾.

Цѣлыя русскія православныя семьи постепенно забывали свое происхожденіе и вѣру и становились татарскими. „Нынѣ тому лѣтъ съ 50, показывалъ одинъ русскій полоняникъ, взятый въ плѣнъ русскими при овладѣніи въ 1695 году городомъ Казыкерменемъ, взяли его крымскіе татаровя въ полонъ 10 лѣтъ... и, какъ взросъ, служилъ въ пѣхотномъ чину въ стрѣльцахъ... и въ Крыму его оба-

¹⁾ Бережковъ, 360; Пр. 401, 252; Пр. 35, 198.

²⁾ Рус. Ист. Библ., II, 609—654.

сурманили и дали ему имя Котуваемъ, а женатъ онъ былъ на полонянкѣ жъ польской породы и прижилъ съ нею дву сыновъ да 3 дочерей, и та де его жена и дочери и меньшей сынъ померли, и остался большой его сынъ Мостапа... и нынѣ тому лѣтъ съ 15, жилъ въ турецкомъ городѣ Кизкнерменѣ и былъ въ пушкаряхъ, а въ прошломъ 203 году онъ изъ Перекопи пришелъ въ тотъ городъ Кизкнерменъ для провѣдыванія того сына своего, въ томъ же году Государевы ратные люди въ томъ Кизинерменѣ его, Тонку, и сына его Мостапу съ иными полоняники взяли въ полонъ¹⁾.

Но большинство полоняниковъ страстно стремились и въ „нечестивой сторонѣ“ на Святую Русь, были, какъ они говорили, „тѣломъ у Крымскаго царя, а душою у Бога да у Великаго Государя“, помнили „Великаго Государя милость“ и самый выходъ свой изъ неволи съ наивною трогательностью приписывали „его Государскому счастью“. Полоняники бѣжали, брося въ плѣну женъ и дѣтей: одинъ сѣвскій священникъ убѣжалъ черезъ три года, оставивъ „попадъшко съ дѣтишками въ Крыму животъ свой мучить“; одна женщина убѣжала изъ Азова, бросивъ у басурмана своего шестилѣтняго сына. Стремилась на Русь и дряхлые старики, которымъ, казалось, все равно было, гдѣ умирать. Одинъ изъ такихъ привыкшихъ къ неволѣ полоняниковъ венеитинъ Титъ Ѳедоровъ, позабывшій, „чьимъ прозвищемъ слыли его родичи“, 70 лѣтъ пробылъ въ Турціи и все-таки „выбрелъ и приволокся“ на родину. Бѣжали и русскіе, взятые въ плѣнъ „въ малыхъ лѣтѣхъ“, даже иногда „не знавшіе русскому языку“. Достаточно было такому басурманенному полонянику узнать, что онъ „русской народъ“, и имъ овладѣвало непреодолимое желаніе выйти на Русь. Одинъ такой полоняникъ такъ объяснялъ свой побѣгъ: „сказывали де ему въ началѣ русскіе люди, которые въ полону, что онъ, Ивашка, русской человѣкъ, и слыша онъ отъ русскихъ людей православную крестьянскую вѣру, изъ полону ушелъ“. Татары ловили такихъ бѣглецовъ, „мучили всякими муками, уши пороли и прочь отрѣзывали“, но они снова бѣжали на Русь²⁾.

Во всѣхъ басурманскихъ странахъ, въ земляныхъ тюрьмахъ и на каторгахъ у русскихъ людей была одна молитва къ Всевышнему: „О, Боже! освободи насъ всѣхъ, бѣдныхъ невольниковъ, изъ тяжелой неволи, изъ земли басурманскія. Возврати насъ къ яснымъ зорямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, межъ народъ крещеный! Выслушай, Боже, наши горячія просьбы, наши несчастныя невольницкія мольбы!“.

В. Щереметевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Пр. 1833, 164—169.

²⁾ Пр. 972, 35; Пр. 35, 111; Б. 1200, 298; Пр. 412, 93, 192; Пр. 239, 283